*В.М. Алпатов**

Неудача мастера

АННОТАЦИЯ: Николай Иосифович Конрад был выдающимся русским учёным — японистом и китаистом. Однако его статья «О китайском языке» (1952) была неудачей. Многие её положения были априорными, а его подход к китайскому языку зависел от стандартов, разработанных для русского языка; такая позиция была типичной в годы написания статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н.И. Конрад, китайский язык, национальный язык, фонетика, грамматика, влияние русского языка.

Имя академика Николая Иосифовича Конрада (1891–1970) не нуждается в представлении нашим востоковедам. Я ни в коем случае не хочу подвергать сомнению его общепризнанные научные заслуги, но даже у таких мастеров бывают неудачи, и представляется, что будет полезным рассмотреть их причины. По моему мнению, такой неудачей была статья «О китайском языке», опубликованная в третьем номере журнала «Вопросы языкознания» за 1952 год (это был и третий номер журнала вообще); далее ссылки на неё с указанием только номеров страниц.

Безусловно, в статье отразилось время её создания. Она была написана и напечатана в оказавшийся очень кратким так называемый «сталинский» период советского языкознания. Этот период начался после известных выступлений И.В. Сталина по вопросам языкознания летом 1950 г. и закончился довольно скоро после его смерти (даже раньше разоблачений «культа личности»). В это время наука языка стала у нас в стране объектом значительного общественного внимания, которого не было ни до того, ни после того.

---

* Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН, Москва, РОССИЯ; E-mail: v-alpatov@ivran.ru

---

© Алпатов В.М., 2016

Для автора данной статьи 1952 г. был годом, когда после многих тяжёлых лет жизни, где были и тюрьма, и лагерь, и проработки, его положение заметно улучшилось. Ещё в 1949 г. и начале 1950 г., в период борьбы с «космополитизмом», учёный (в то время член-корреспондент АН СССР) обоснованно мог испытывать тревогу за своё будущее, в связи с чем он в апреле 1950 г. оставил работу и ушёл на пенсию по состоянию здоровья (хотя ему ещё даже не было 60 лет). Видимо, ему не хотелось дожидаться новых проработок, казавшихся неминуемыми. Однако в 1951 г. Н.И. Конрад перестаёт быть членом Академии на пенсии, вернувшись в академический Институт востоковедения, где работал до конца жизни (хотя к преподаванию он не возвратился). Поворот к лучшему был связан, как бы это сейчас ни показалось кому-то странным, с выступлением И.В. Сталина по языкознанию. Он осудил действительно антинаучное «новое учение о языке» давно покойного к тому времени академика Н.Я. Марра и фактически провозгласил возврат к традициям русской дореволюционной науки о языке (подробнее см. [3, с. 191–210; 5]). Н.И. Конрад, никогда не придерживавшийся «нового учения» и продолжавший данные традиции, оказался в такой ситуации ко двору.

Советские филологические науки в это время возглавил убеждённый традиционалист по научным взглядам академик В.В. Виноградов, в прошлом также репрессировавшийся. Личные его отношения с Н.И. Конрадом всегда были очень хорошими. Виноградов привлёк его к активной работе в области языкознания. С начала 1952 г. стал выходить новый «основополагающий» журнал «Вопросы языкознания», также возглавлявшийся В.В. Виноградовым; Н.И. Конрад стал там членом редколлегии и не раз печатался в первые годы существования журнала. В самом первом его номере он выступил с установочной статьей [12], где выдвинул масштабную программу расширения и углубления преподавания восточных языков в стране; можно предполагать и его участие (наряду с В.В. Виноградовым) в написании передовой статьи того же номера [7]. Немного позже в журнале появилась содержательная статья Н.И. Конрада, посвящённая истории литературных языков в Китае и Японии [11].

Статья «О китайском языке» входила в число публиковавшихся в журнале установочных статей, которые должны были показывать правильный, основанный на сталинских формулировках подход в языкознании. Тема статьи также была не случайной. Хотя Н.И. Конрад специализировался в Петербургском университете по китаистике (одновременно изучая японский язык в Практической восточной академии), был учеником В.М. Алексеева, он в 20–30-е гг. занимался в

основном Японией. Впервые он обратился к китайской проблематике лишь во время заключения (1940–1941). Но к 1952 г. Япония уже не была вероятным, а затем и реальным противником в войне, хотя ещё не была страной «экономического чуда», поэтому большого общественного интереса она не вызывала, а Китай после победы революции в 1949 г. стал очень актуальной темой, и язык самой крупной после СССР страны «нашего» лагеря надо было изучать. Как раз в это время у нас начали активно готовить кадры китаистов.

Сам третий номер «Вопросов языкознания» за 1952 г. — памятник эпохи. Он открывается портретом И.В. Сталина, и большая его часть посвящена двум темам, неравноценным с теперешней точки зрения. Прежде всего, это вторая годовщина сталинских публикаций в «Правде», даётся обзор развития на их основе языкознания в республиках СССР и странах народной демократии, как тогда писали; среди авторов, например, будущий член Политбюро А.Я. Пельше. Но другая тема — информация об открытии за год до этого первых новгородских берестяных грамот, которое столько даст и до сих пор даёт для изучения истории русского языка. Статья Н.И. Конрада, самая большая по объёму в номере, выделяется обращением к анализу языкового материала. Но как анализируется этот материал?

Не буду останавливаться на неизбежных упоминаниях работы И.В. Сталина и правильных, но сейчас давно уже не актуальных опровержениях дилетантских идей Н.Я. Марра о китайском языке в статье. После вводного раздела, касающегося критики Марра и истории Китая, собственно лингвистическая проблематика начинается с раздела о единстве китайского языка. Автор исходит из идеи, что китайцы после революции 1949 г. окончательно стали нацией, следовательно, у них должен быть национальный язык, «тот общий язык, которым пользуется вся нация» (с. 53). Н.И. Конрад отмечает, что «всегда говорят о наличии в Китае местных диалектов, различие между многими из которых настолько велико, что оно исключает взаимное понимание»; это «побуждает некоторых даже говорить не о разных диалектах китайского языка, а о разных языках» (с. 53–54). Среди сторонников такой точки зрения, наряду с Б. Карлгреном, назван Е.Д. Поливанов, автор «первой нашей научной грамматики китайского языка» (с. 54), хотя он тогда всё ещё считался «врагом». Поливанов неоднократно упоминается и цитируется в статье, хотя чаще критически. Вопрос о разграничении языка и диалекта вообще и китайского языка и/или диалекта, в частности, как известно, действительно спорен.

Но Н.И. Конрад, для которого у Е.Д. Поливанова «причудливо перемешаны правильные наблюдения и соображения с неправильными

выводами» (с. 55), считает, что появление диалектов «означает не разрушение общего единства языка, а лишь его усложнение» (с.55). Получается, что сначала уже было «общее единство языка», а потом только появились диалекты? Единство, по Н.И. Конраду, обусловлено целостностью китайской народности, а затем нации начиная с эпохи Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.).

Далее сказано: «Если мы обратимся к описанию четырёх… главных диалектов или диалектных групп китайского языка, то сразу же заметим, что различия между ними идут по линии фонетики и касаются основных характерных особенностей слога, а именно его звукового состава и его голосовой мелодии, так называемого „тона“… Во всех прочих отношениях особых расхождений между диалектами не отмечается. Некоторое исключение составляет лексика: в каждом диалекте существует известное количество „своих“ слов» (с. 56). Если, например, немецкий и голландский — особые, хотя и родственные языки, поскольку у них есть различия в грамматике, то «между диалектами же китайского языка различий ни в области морфологии, ни в области синтаксиса не отмечается» (с. 56). Сейчас же, начиная с прогрессивного «движения 4 мая» 1919 г. и ещё в большей степени с 1949 г., созданы условия для «интенсивного перемалывания (слово, используемое у И.В. Сталина. — *В.А.*) диалектов в языке» (с. 58). Безусловно, Н.И. Конрад старается преуменьшить различия диалектов и, признавая, что взаимопонимание их носителей не всегда возможно, опираясь на идеи И.В. Сталина о грамматическом строе и основном словарном фонде как о самом важном в языке, считает прочие различия, включая фонетические, второстепенными.

Далее, однако, говорится, что общий язык, так называемый *гуаньхуа* («мандаринский»), существовал в Китае задолго до 1919 г. Здесь, основываясь на сталинских идеях, что язык не является классовым, Н.И. Конрад снова вёл полемику с Е.Д. Поливановым. Тот называл этот язык «чиновническим», а Н.И. Конрад, признавая, что «на гуаньхуа говорила пекинская столичная интеллигенция и чиновничество; можно было сказать просто чиновничество» (с. 60), подчёркивает «всекитайский» характер чиновников, имевших происхождение из зон разных диалектов. «Тем самым гуаньхуа являлся уже не социально-групповым диалектом, а подлинно общекитайским разговорным языком» (с. 60). Чиновничество разносило его по всей стране, но «не создавало общекитайский язык, а только содействовало его распространению» (с. 60). Автор статьи не указал прямо, кто создавал язык, но, по-видимому, имелись в виду упомянутые им здесь же «народные массы». Этот язык на основе пекинского диалекта «составил

основу китайского национального языка» (с. 60). В XX в. вместо названия *гуаньхуа* («чиновничий язык») распространилось название *путунхуа* («общий язык»). До начала этого века данный язык в основном был разговорным, а «движение 4 мая» поставило целью развивать на нём литературу.

До того языком литературы в Китае был старописьменный язык — *вэньянь*. Он у Н.И. Конрада не ставится в один ряд с диалектами и «общекитайским языком», а рассматривается как «язык литературы, которая существовала для господствующего класса» (с. 61). То есть он (вопреки Сталину) признаёт существование классовых языков; отрицая классовость «чиновничьего» языка, он тут же говорит о классовости *вэньяня*.

В этой части статьи серьёзное содержание соседствует с априорными утверждениями. Безусловно, содержателен краткий анализ превращения «чиновничьего» языка в современный литературный язык, охватывающий все сферы общения. Этот процесс в Китае шёл к моменту написания статьи и в основном закончился к нашему времени. На определённом этапе развития через подобный процесс проходили многие народы: в Западной Европе место латыни заняли новые языки (французский, итальянский, немецкий, английский и др.), в России место церковнославянского — русский литературный язык, в Японии место старописьменного *бунго* — современный литературный язык. Иногда сходные с Китаем процессы можно было увидеть даже в России: здесь в XVI–XVII вв. наряду с церковнославянским, языком высокой культуры, существовал «московский приказный язык» канцелярских бумаг, известный по всей стране [6, с. 100–104], ставший позднее основой нового литературного языка. Подробнее эти процессы в Китае (и Японии) Н.И. Конрад спустя два года подробнее описал в уже упоминавшейся статье [11].

Но, с одной стороны, явно снижается роль диалектов, здесь могло быть и влияние работы Сталина, который писал: «Диалекты и жаргоны представляют ответвления от общенародного национального языка, лишённые какой-либо языковой самостоятельности» [15, с. 37]; правда, такая точка зрения была им скорректирована в ответе на письмо Г.Д. Санжеева. С другой стороны, в качестве «всекитайского языка» признаётся только чиновничий язык, но никак не *вэньянь*, хотя тот в течение ещё более длительного времени играл ту же роль, пусть им владело меньшее число людей.

Далее учёный переходит к рассмотрению строя китайского языка. Он, прежде всего, спорит с «общим местом» для языкознания — рассмотрением его как «моносиллабического и аморфного» (последний термин к тому времени уже был устаревшим), особо подчёркивая, что

этой характеристике следовал и Н.Я. Марр. Также и «западноевропейские синологи с необыкновенным упорством держатся за концепцию односложности китайского слова» (с. 67).

Идея моносиллабичности опровергается, прежде всего, по априорным основаниям. Поскольку в пекинском диалекте и образовавшемся на его основе национальном языке без учёта тонов 420 слогов, то «выходит, что в китайском языке 420 слов плюс некоторое количество омонимов, которых особенно много быть не может (что далеко не так. — *В.А.*). Допустить такое положение явно невозможно… Может быть, дело поправят так называемые тоны? <…> Подсчитано, что с учётом различий в тонах в мандаринском языке всего 1380 слогов, что при признании моносиллабичности китайских слов — означает 1380 слов для всего китайского языка с дополнением некоторого количества омонимов. Разумеется, и это допустить невозможно. Выход может быть только один: допустить, что положение об односложности китайского слова — неверно. Если допустить, что в китайском языке есть и многосложные слова, количество слов в нём может быть во всяком случае не меньше, чем в любом высокоразвитом языке» (с. 65–66). Далее даётся текстовый пример из Мао Цзэдуна, уже разбитый на слова длиной от 1 до 4 слогов, при этом никаких критериев деления текста на слова не приводится.

Уже после всего этого, правда, дан еще один аргумент: «моносиллабичность несовместима с силовым ударением, а такое ударение в китайском языке существует» (с. 69). Здесь по поводу силового ударения хотя бы приводятся ссылки на П.П. Шмидта, Е.Д. Поливанова, И.М. Ошанина и др. Далее говорится о том, что (вопреки приводимому выше мнению Е.Д. Поливанова и Б. Карлгрена) «смыслоразличительную роль тон играет не сам по себе, а только совместно с силовым ударением и благодаря ему. Иначе говоря, смыслоразличительные функции тона несамостоятельны» (с. 69). Даже односложное слово в связной речи может нести силовое ударение. И ещё гипотеза, на которой, правда, Н.И. Конрад категорически не настаивает: тоны характеризуют «не мелодию голосового тона, а качественную сторону звукового состава» (с. 70). Слова, традиционно различающиеся лишь тоном, на самом деле могут отличаться составом согласных и гласных, а тон является лишь вспомогательным средством.

Я не буду здесь рассматривать сложную и вызывающую и в наши дни споры проблему выделения слов в китайском языке. Отмечу лишь, что китайская традиция (первоначально вырабатывавшаяся для *вэньяня*) основывалась на признании базовой лингвистической единицей (китайским аналогом слова) моносиллаба. Сейчас, однако,

в словари этого языка (по крайней мере, современного) включают двухсложные и трёхсложные лексемы. Но любопытен психолингвистический эксперимент А.М. Карапетьянца, который проверял реакцию носителей китайского языка на фиксируемые словарями двухсложные и трёхсложные последовательности. Оказывалось, что в значительном числе случаев они в отрыве от контекста не воспринимались. Восприятие таких лексем не имело существенных отличий от восприятия тех двуслогов и трёхслогов, которые принято считать словосочетаниями [8, с. 83–87]. То есть для носителей китайского языка основные воспринимаемые единицы — однослоги, а двуслоги и трёхслоги скорее словосочетания, среди которых могут быть аналоги фразеологизмов. Но среди заимствований есть и бесспорные многосложные лексические единицы.

Однако вряд ли Н.И. Конрад размышлял над подобными сюжетами. Вероятно, он в большей степени отталкивался от неприемлемых для него идей о связи моносиллабизма с ранними стадиями развития языков, преодолённых серьёзной наукой ещё в XIX в., а потом неудачно воскрешавшихся Н.Я. Марром. Раз китайский язык — язык передового народа, он не мог относиться к «системам первичного периода», куда его зачислял Марр. И, помимо этого, для него, по-видимому, нормой было силовое ударение, как в русском языке, а не имеющий аналогов в «привычных» языках тон вызывал сомнения.

Далее моносиллабизм опровергается и тем, что он не оставляет места для словоизменения, согласно Н.И. Конраду, существующего в китайском языке. Если наличие сложных слов (композитов) в нём уже признавалось многими китаистами разных стран, то грамматическая и словообразовательная суффиксация встречалась лишь в отечественной китаистике. Н.И. Конрад был здесь не первым, он упоминает Е.Д. Поливанова, И.М. Ошанина, Н.Н. Короткова.

Но главным принципом и здесь оказывается априорность. Слово, «по выражению И.В. Сталина, является строительным материалом для языка. Представляется ли этот строительный материал чем-то бесформенным?» (с. 72–73). В другом месте автор признаётся: «Грамматика в китайском языке существует. Мы можем утверждать это даже a priori» (с. 76). Но иных, не априорных утверждений данного положения в статье нет.

Согласно Н.И. Конраду, китайские существительные (и многосложное, и односложное) «имеют формы падежей» (синтетические и аналитические); «глаголы имеют формы спряжения» (с. 75); также выделяются залоги, то есть у него грамматические категории соответствуют тому, что было ещё в миссионерских грамматиках. Поэтому и

в китайском языке чётко выделяются части речи. Признаётся и морфологическое значение тона, а если же считать, что тон является и «определённым звуковым составом слова», то «возможно видеть явление внутренней флексии» (с. 75). Границы слов опять-таки проводятся так, а не иначе без каких-либо доказательств.

Н.И. Конрад резко критикует Б. Карлгрена (правда, названного «авторитетным китаеведом»), сводившего китайскую грамматику к правилам порядка слов и некоторым служебным словам: «для нас такая точка зрения — <…> давно пройденный этап китаеведения» (с. 76).

Учёный пишет: «Сам этот строительный материал не составляет здания. Здание нужно построить, а это значит соединить слова в предложении» (с. 76). Но соединение понимается в статье исключительно как связь с помощью аффиксации с добавлением служебных слов и, может быть, внутренней флексии как вспомогательных средств. Правила порядка слов, впрочем, ставятся на первое место среди «ассортимента средств синтаксиса» (с. 77). Но отвергаются «тенденции растворения морфологии в синтаксисе» (с. 77). В заключение предлагается и в общем языкознании преодолеть «ошибочную концепцию моносиллабичности и аморфности китайского языка» (с. 78).

Нетрудно видеть, что в статье китайский язык предстаёт как подобие, прежде всего, русского языка, иногда с некоторыми добавлениями, свойственными известным автору европейским языкам (роль порядка слов, долгота и краткость гласных).

И показательно не только то, что в статье есть, но и то, чего там нет. Во всех её разделах (и там, где речь идёт о литературном языке, и там, где говорится о строе языка) не упомянута иероглифика. Разумеется, в статье неоднократно сказано, что на китайском языке не только говорят, но и пишут, однако даже не объяснён характер китайского письма. Само слово *иероглиф* в немалой по объёму статье встречается один раз в разделе о моносиллабизме и лишь в пересказе отвергаемых идей А. Масперо, который считал, что «каждый иероглиф обозначает отдельное слово (что неверно даже для старого китайского языка)» (с. 72). То есть не сказано даже, что иероглиф почти всегда соответствует слогу. Строй китайского языка рассматривается как нечто никак не связанное с характером письма. Кстати, и высказывание о том, что омонимов «особенно много быть не может», явно основано на привычках носителя русского языка, где фонетическое письмо не так способствует снятию омонимии, как иероглифика.

Если учитель Н.И. Конрада В.М. Алексеев, подробно разбирая в книге [1] достоинства и недостатки иероглифического письма, называл иероглифику «подлинно, но односторонне объединяющей весь

Китай» [1, с. 54], «великим немым», «мощным объединителем» диалектов [1, с. 17], то Конрад обходит этот вопрос. Для него «общекитайским» и для современности, и для прошлого может быть только устный язык. О *вэньяне*, который, как получается из статьи, такой роли не играл, говорится лишь вскользь, а то, что это был сугубо письменный, основанный на иероглифике язык, ни разу не сказано. Для Н.И. Конрада любой вариант китайского языка (*вэньянь*, *гуаньхуа*/*путунхуа*, диалекты) имеет фонетику, грамматику и лексику, на нём можно также писать, но характер письменности, остающийся неясным из статьи, на функционирование языка не влияет. В это трудно поверить любому, кто как-то связан с китайским языком. Например, автор этой статьи в 1993 г. в Гонконге, тогда ещё находившемся под британским управлением, видел, как российские китаисты, владевшие лишь *путунхуа*, не могли устно общаться с местными жителями, тогда как с помощью иероглифов коммуникация устанавливалась. Иероглифы как «объединители диалектов» работают и в наше время.

Причин этого невнимания могло быть несколько. Во-первых, признание роли иероглифов требовало бы пересмотра отношения к *вэньяню*, что не сочеталось с концепцией Н.И. Конрада. Во-вторых, в СССР с 20-х гг. установилась традиция (сильная тогда и в самом Китае) считать иероглифы «феодальным пережитком», который скоро будет устранён. Во время же написания статьи, в первые годы после революции, вопросы письменности в Китае были дискуссионными; всерьёз рассматривались проекты латинизации языка, лишь во второй половине 50-х гг. окончательно оставленные. Не было ясно, что будет с иероглифами дальше, поэтому лучше казалось этот вопрос обойти. Наконец, в-третьих, традиции европейской науки о языке с эпохи романтизма в первой половине XIX в. считали «живым» языком лишь устный, а письменный язык трактовали как «искусственный»; сильна была и традиция считать письменность просто перекодировкой устной речи, так считал, например, Ф. де Соссюр. Для языков со сравнительно простыми системами письма, основанными на произношении, оно требовало значительно меньше внимания, чем фонетика и фонология. И Н.И. Конрад, опираясь на традиционные подходы, следовал им и здесь.

Каков итог? Плюсами статьи можно считать разве что критику Н.Я. Марра и раздел о формировании нового литературного языка. Но им противостоят априорность подхода, объяснения явлений языка почти исключительно неязыковыми причинами, постулирование тех или иных решений без объяснения, претензии на формулирование

истины в сочетании с формулировками вроде: «Мы не можем здесь разбирать этот очень сложный вопрос» (с. 70), игнорирование проблемы иероглифов. Лейтмотив всего этого — признание китайского языка «нормальным» языком, то есть похожим на русский.

Период между 1950 и 1955 гг. в истории нашего языкознания нельзя оценивать однозначно. Как бы ни относиться к личности И.В. Сталина, его вмешательство в дела языкознания имело и положительные последствия. Эта наука освобождалась от требований следовать действительно бредовым идеям Н.Я. Марра, признавались заслуги русской дореволюционной науки о языке, а тем самым и всей научной парадигмы XIX в., было восстановлено в правах сравнительно-историческое языкознание. Также улучшилось положение ряда ранее подвергавшихся гонениям серьёзных учёных, к числу которых относился и Н.И. Конрад. Но были и крупные минусы: сохранилось и даже усилилось предвзятое отношение к современной западной науке, а в описаниях языков стала более очевидной подгонка под русский эталон.

Разграничение общих свойств языка и типологических особенностей отдельных языков всегда было сложной задачей в истории лингвистики, особенно тогда, когда исследователь находился под сознательным или бессознательным влиянием особенностей своего родного или наиболее престижного для него языка. В Европе долго эталоном считались классические древние языки: греческий и особенно латинский; для китайского языка это отразилось в написанных европейцами миссионерских грамматиках. В XIX–XX вв. место классических языков стали занимать новые языки: английский, французский, немецкий и др.; в России это, естественно, был русский язык. Когда научный уровень описания «чужих» языков стал расти (в нашей китаистике и японистике этот процесс начался с Е.Д. Поливанова), то, с одной стороны, росло осознанное стремление описывать язык непредвзято, с другой стороны, неосознанно могли прибегать к теоретическим решениям, основанным на привычных представлениях. Для носителя русского (но не английского или французского) языка очень трудно отрешиться от представления о том, что «нормально» слово должно быть грамматически оформлено, обладать словоизменением; подробнее см. об этом нашу публикацию [4]. Это проявилось и у такого крупного учёного, как Е.Д. Поливанов: он искал словоизменение и в китайском языке, а в японском языке, где глагольное спряжение общепризнано, пытался обосновать и наличие падежного склонения.

Такие представления имели, как у нас ещё недавно говорили, и гносеологические, и социальные корни. О гносеологических корнях, бесспорно, присутствовавших и у Н.И. Конрада, сказано в предыдущем абзаце, а социальные корни в 1952 г. заключались в стремлении

особо подчеркнуть значение великого русского языка. В самих работах И.В. Сталина по языкознанию вождь был достаточно осторожен, но общая атмосфера в стране способствовала желанию (опять-таки не обязательно осознанному) подгонять тот или иной описываемый язык под русский стандарт. Всё это естественным образом вело к идеям искать в любом языке развитую морфологию, словоизменение, морфологические основания для выделения частей речи, силовое ударение, как и в великом языке. Отклонения же от стандарта вроде моносиллабичности, тонов или иероглифов игнорировались или опровергались. В нашей китаистике всё это было не только у Н.И. Конрада, но у него выразилось в наиболее концентрированном виде.

Подобные взгляды в наши дни часто объясняют страхом перед «тоталитарным режимом», тем более что Н.И. Конрад до написания статьи действительно жестоко пострадал. Но у нас нет каких-либо свидетельств каких-то иных взглядов этого учёного на китайский язык, исключая только отношение к иероглифам, о которых он в разные годы писал по-разному, а в конце жизни восторженно. За год до смерти он писал японскому издателю своих работ: «Нет, не отменяйте у себя иероглифы! Берегите это национальное достояние!» [9, с. 494] (в 1969 г. в Японии, как и в Китае, уже никто всерьёз не предлагал их отменить). Но нет данных о том, что он когда-нибудь был сторонником идей моносиллабичности или аморфности китайского языка. А некоторые высказывания учёного в данной статье не так уж отличаются от того, что писали ещё в XIX веке. «На китайский язык переведены труды В.И. Ленина и И.В. Сталина, переведены при этом так же без затруднений, как переведены они, например, на языки немецкий и французский» (с. 49). Но видный русский востоковед И.П. Минаев писал: «Китайский язык не может считаться „примитивным“, поскольку на него переведены индийские книги» [14, с. 226]. Напомню, что в стадиальных концепциях позапрошлого века китайский язык ставился много ниже санскрита. К 1952 г. эталоны изменились, а аргументация осталась прежней.

И надо учитывать два личных качества Н.И. Конрада. Интересы каждого учёного не безграничны, а обстоятельства могут заставлять его заниматься не только тем, что его интересовало, и в чём он был специалистом. Сам Николай Иосифович был по своим склонностям, прежде всего, историком культуры. Он всегда говорил студентам, что главное для востоковеда — изучение культуры исследуемого народа. Но в 20–30-е гг., когда тематика востоковедных исследований у нас значительно расширилась, а специалистов ещё было мало, ведущим востоковедам, включая Н.И. Конрада, приходилось заниматься

всем: и историей, и литературоведением, и лингвистикой. Н.И. Конрад ещё в 30-е гг. выпустил объёмистую книгу по японскому языку [13]. Но хотя язык — важнейшая часть культуры, такие дисциплины, как фонетика и грамматика, находятся далековато от изучения духовной культуры в обычном смысле. И в работах Николая Иосифовича это хорошо видно. В книге [13] самый живой (хотя и несущий на себе печать времени) раздел посвящён социальной стратификации японского языка, а занимающие её большую часть главы по грамматике написаны сухо и под сильным влиянием других авторов, в том числе Е.Д. Поливанова; см. об этом [2, с. 84–93]. Некоторые высказывания Н.И. Конрада выглядят с точки зрения лингвиста очень странными, например, такое: фонема «поддерживает языковое единство народа, а тем самым национальное единство вообще» [10, с. 16]. А как быть с системами фонем в диалектах? Любую чисто лингвистическую проблему ему хотелось связать с национальным единством, что заметно и в данной статье. Если в разделе о национальном языке аргументация Н.И. Конрада, не всегда верная, всё-таки по делу, то в разделе о строе языка он постоянно приводит аргументы, выходящие за пределы лингвистики.

И второе. Не буду обсуждать не всегда ясный вопрос о степени искренности в работах Николая Иосифовича, но он постоянно был чуток к быстро менявшемуся времени, выражал идеи и настроения, характерные для русской интеллигенции в ту или иную эпоху. Мы можем видеть, как он был либералом (и одновременно разведчиком) в 1910-е, марксистом в 1920-е, «шестидесятником» в 1960-е, обличал «пропаганду собственнической идеологии» в довоенной Японии, а потом восхищался «японским чудом». А в начале 50-х гг. он, как и многие другие наши специалисты, русифицировал объект своих исследований. Он не боролся с господствующим мнением в науке и жизни, нередко плыл по течению, но это не значит, что нужно отрицать его заслуги. Он стал одним из пионеров научного изучения стран Дальнего Востока в нашей стране и, что особенно важно, сумел создать научную школу, существующую и сейчас и уже насчитывающую несколько поколений специалистов. Н.И. Конрад прошёл сложный путь в сложное время, на нём были удачи и неудачи. И то и другое не надо забывать.

Литература

1. *Алексеев В.М.* Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. Л., 1932.

2. *Алпатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. М.: Наука, 1989.

3. *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М.: Восточная литература, 1991. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2004.
4. *Алпатов В.М.* Особенности русской лингвистики // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Ч. I. М.: МГИМО–университет, 2015.
5. *Алпатов В.М.* Сталин о языкознании: причины и последствия этого выступления 1950 года // Культура и искусство. 2011, № 6 (6).
6. *Винокур Г.О.* Русский язык. Исторический очерк. М.: Гослитиздат, 1945. Изд. 3-е. М.: УРСС, 2006.
7. Задачи советского языкознания в свете трудов И.В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» // Вопросы языкознания. 1952, № 1.
8. *Карапетьянц А.М.* Слово и слогоморфема в современном китайском языке // Теоретические проблемы восточного языкознания, часть шестая. М.: Институт востоковедения, 1982.
9. *Конрад Н.И.* Восток и Запад. Изд. 2-е. М.: Наука, 1972.
10. *Конрад Н.И.* О государственной латинице в Японии. М., 1945.
11. *Конрад Н.И.* О литературном языке в Китае и Японии // Вопросы языкознания. 1954, № 3.
12. *Конрад Н.И.* Об изучении восточных языков в наших высших учебных заведениях // Вопросы языкознания. 1952, № 1.
13. *Конрад Н.И.* Синтаксис японского национального литературного языка. М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937.
14. Общее языкознание. Лекции, читанные проф. Минаевым студентам Петербургского университета в 1883/84 году.
15. *Сталин И.* Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1950.

V.M. Alpatov*

Failure of the Expert

ABSTRACT: Nikolai Iosifovich Konrad was an outstanding Russian scholar in the field of Japanese and Chinese Studies. However his article “On Chinese Language” (1952) was his failure. Many of his theses were a priori and his approach to Chinese depended on the standards elaborated for Russian; such position was typical at the time of writing the article.

KEYWORDS: N.I. Konrad, Chinese, national language, phonetics, grammar, influence of Russian.

* Alpatov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Letters, Professor, Director of Institute of Linguistics, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; E-mail: v-alpatov@ivran.ru